

Поэзия

«Всё согласно небесной карте...»

Василий Белов

Сергей Брыков

Апрельской ночью

1

Всё, что казалось нам непоэтичным: многоэтажки, пыль, гудок фабричный, помятая бумага лиц прохожих, до странности между собой похожих, нехватка зелени, избыточность металла, ржавяющие символы развала – ограды, статуи, давно пустые стенды, Дома культуры, сданные в аренду. Команда (пусть плохая, но команда), сливающая всем подряд. Веранда, через которую ты ходишь год за годом. То, что с натяжкой называется «природа», представлено вкраплениями парков. Как будто бы от тысячи огарков жар в голове, в цеху, в размякшем небе. От грязи хруст – на языке, на нёбе. пляж, так загаженный, что просто (жалко, цензура не пропустит матов). Алкопристанища в ближайшей подворотне, и в каждом посетителей до сотни. Повсюду сцены – обездумлены, безличны. Всё, что казалось нам непоэтичным, – непоэтично.

2

Бежать? Орать «Карету мне, карету»? Переступив из прошлой жизни в эту, попасть в тупик, доехать до конечной. С тоской и злобой всматриваться в Млечный, в Атлантику, но лишь бы не в соседа. Куда девать (т. е. направить кеды) прессируемое атмосферой тело?

Бежать? И с криком «Где ты? Я Отелло!» Единственную, полюбив, убить? В сортире занято. Не нужно было пить.

3

Упала ночь – на сердце полегчало. Да, затонуть в трёх метрах от причала – обидно, но не больше, чем родиться. Я, наконец, забуду эти лица. Просты меня, как ты прощаешь многих. Луна. Два силуэта на дороге. Упасть на дно (взобраться на вершину?) – мне всё равно, мне всё теперь едино.

Игорь Заморский

Давно известно мудрецам и малым детям, что пессимизм – он вовсе не порок, равно как оптимизм – совсем не добродетель. Сам Бог тому свидетель: у всякого – свой жизнелюбия порог.

Всяк этот мир по-своему принял и перенёс, определил себе, где шест его, где сук, где лавка; но если первый выглядит, как битый жизнью пёс, второй – как глупая, назойливая шавка.

Я люблю этот свет, я люблю, люди, вас – пусть вы тысячи раз отвечали мне «нет».

Правда, в этой любви есть досадный изъян: я люблю вас, увы, если здорово пьян.

Надеюсь, меня не забудут, поскольку никто не запомнит. Возиться со мною не будут, сгоняя других в однотомник.

По мне не закатят поминок, спустя двадцать лет – да и хрен с ним – не сдуют с обложек пылинок, ни басен не сложат, ни песен,

ни с кем не поссорят, не свяжут судьбой – за отсутствием моды. И этим премного обяжут грядущие в бездны народы.

Наталья Карпичева

Если

Если, жаждой томим, ты хоть дважды покинул оазис, Не купившись на все эти аппиевы quo vadis, Или что-то тому неподобное, здравствуй, герой, Потому – здесь сойдет ненаглядным неладный покрой. Если ты не замечен в привычке бледнеть, чароваться, За здорово – живешь, за счастливо – готов оставаться, Оставайся, но припоминай себе про уходя. За спасение будет оплачено мелкой монетой дождя.

И, скормив голубям примитивы верховного неба, Ты становишься тем, кем ты был, т. е. тем, кем ты не был, Т. е. тем, кем нельзя ни родиться, ни стать, т. е. – быть, Отделяя от гипса изломанный график судьбы.

И пока распирается твой юбилей лихолетний, Ты остался бы тем, кто уходит, больной и последний, Не забыв, уходя, не гасить света ни в ком, Уходить целиком.

Уходить

А теперь уходи, всё согласно небесной карте. Бог бессонницы – скоро сюда, он на низком старте. Бога много, а ты последний, и я одна. А теперь уйду – две слезинки, одна кручинка. Не забудь выдать табели, сдать примуса в починку. И останутся наши лучшие имена.

Думал, я тебе просто так – всё не так, непросто, Мой нестойкий иммунитет от болезней гостя, Мой неточный, но лучший выстрел, урок не впрок, Мой карманный светоч на лунных батарейках, Я найду тебя, мой золотой гражданин корейко, Между книг, между страниц или между строк.

Интроверсия ливня, в жилах сад колоколен. Но ты можешь надеяться, ты можешь быть спокоен: Против времени выстоит только потешный полк. Эйфория по Эйфелю – сорок песочных башен. Небо ноет с утра, а нам его серый шёлк не страшен, Старый, глупый шёлк.

Елена Лещинская

Солнце

...И когда станет незачем, не о чем, ни о чём, Докурить этот сон – последнюю сигарету, Полететь в неизвестность горячим живым лучом, Что превратится, едва исчезнет источник света.

Ты гори, моё солнце, искоркой на струне И кружи планету в медленном тёплом вальсе. Улыбайся – неважно, другому, другой – не мне. Мимолётно, хотя бы изредка – улыбайся.

А пока в тишине растворяется дальний звон. Сквозь бетонные плиты трава прорастает скупом... Под твоими шагами плавится горизонт, Не давая небу замёрзнуть в хрустальный купол.

Задворки чужого мира. Провинция, глушь, дыра. Ты отыскать не в силах

Тропинки к иным мирам. Окурки твоих бессонниц, Горечь пустых ночей, Но... звёздочка на ладони, Бабочка на плече.

Невидимая паутина, Чей-то немой крик. И никуда не уйти, но Ты ведь почти привык В ногу шагать в колонне И не гадать, зачем Звёздочка на ладони, Бабочка на плече.

Скатишься по откосу, Скомкав сюжет сна, В жёлтых цветов россыпь Да в травяной дурман. Кажется, нет погони. Вброд перейдёшь ручей... Звёздочка на ладони, Бабочка на плече.

Утро опять серо, Вечер опять хмур. Замкнутая сфера Хуже, чем замкнутый круг. Всё невпопад, кроме Пары простых вещей: Звёздочки на ладони, Бабочки на плече.

Ирина Кияшко

Каждого каждый видит сквозь призму предубежденья, Целостный образ на составные части дробя. Твой день рожденья – он, как и прежде, – твой день рожденья, Только, по некой веской причине, нет в нём тебя...

Кто-то ведёт нас, бескомпромиссно плату взимая За ненароком пролитый в душу призрачный свет. Я понимаю – ты уже в прошлом, я понимаю... Только я знаю, что никакого прошлого нет.

Каждая дата – просто на карте синяя метка, Детство ли, старость – это маршрута зримая часть. Всё в нашей жизни протекает одномоментно, Всё происходит обыкновенно – здесь и сейчас...

В мире иллюзий нет ни гарантий, ни снисхожденья. Несокрушимы все аргументы жизни земной. Твой день рожденья – он, как и прежде, – твой день рожденья. Ты продолжаешь быть в этом мире рядом со мной.

Чайник

От рождения душа косолапа, Неуютно ей в толпе человечей...

Этот чайник мне достался от папы, Он железный и поэтому – вечный.

Отголоски лошадиного всхрапа, Да клинками необжитые ножны... И характер мне достался от папы, Я всю жизнь его пытаюсь стреножить.

Сколько б ни было судьбы за плечами, До последнего броска, до патрона, Все чудачества мои и печали – Добровольцы одного эскадрона. Этот мир не знает слова «случайность», Вряд ли стоит утопать в укоризне. И кипит на плитке маленький чайник, Будто что-то не досказано в жизни...

Виктор Мельников

Складень

1

Конечно, ты права, быть вместе – не для нас: Вот на воде расходятся два круга, У каждого – свой крест, свой Судный день, свой Спас...

Два круга на воде – проходят друг сквозь друга.

2

Где-то смех, где-то плач, где-то песни поют, Где-то каркают хрипло вороны.

Где-то стол, где-то гроб, где-то золотом шьют, Где-то свадьба шумит, где-то похороны.

Кто-то пел, кто-то звал, кто-то ждал сколько мог И ушёл весь в слезах – не дождался.

Кто-то молча стоял, стиснув сердце в комок, И шагнуть за порог – Не решался.

Чей-то зов, чей-то крик на последнем мосту Слабым эхом обратно вернулся.

Кто-то встал и ушёл. кто-то лёг и уснул, Как в бреду, звал кого-то и руки тянул,

Кто-то только под утро лишь веки сомкнул, Кто-то вскрикнул во сне и – проснулся...

3

Хотел быть садом, стал – летучим мышем и рукокрылым под чужою крышей, вниз головой повиснув, засыпаю и в перевёрнутые сны свои влеваю.